Дотоле истина опасна,
Одним скучна, другим ужасна;
Никто не хочет ей внимать —
И часто яд тому есть плата,
Кто гласом мудрого Сократа
Дерзает буйству угрожать.
Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещения —
И так лампаду угасим,
Желая доброй ночи им.

Какой же выход из круга неустранимых противоречий, сохраняющихся и при революции?

Но что же нам, о друг любезный!
Осталось делать в жизни сей?

спрашивает Карамзин и отвечает:

Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов.

В том же году в послании к А. А. Плещееву Карамзин возвращается к этим же мыслям:

Чтож делать нам? Ужель сокрыться
В пустыню Муромских лесов?

Казалось бы, позиция весьма близкая к позиции разночинной интеллигенции, между тем за ней стояло не одиночество разночинной интеллигенции, к которой Карамзина можно причислить лишь по внешним признакам профессионала литератора, а молчаливый отказ от надежды на блага конституции, поскольку их приходится завоевывать таким опасным путем, с вероятностью потерять все, как потеряло дворянство во Франции.

Эта дворянская философия, смысл которой не только в отказе от разрешения социальных и полититических вопросов, но и в возвращении в лоно монархии, определила темы и даже жанровые и стилистические интересы Карамзина.

В этом случае мы уже сталкиваемся с фактом того, что в основе литературного процесса присутствовала доля влияния французской революции.

примеру, если овцы будут целы и волки сыты. Это шутка и не шутка» («Старина и Новизна» 1897, кн. I, стр. 65).